

АПРИОРИЗМ И ИСТОРИЗМ

Одно из широко распространенных заблуждений относительно кантовской философии состоит в том, что в ней не видят исторического пафоса. Между тем он заметен даже в «Критике чистого разума».

Всякое знание, по Канту, начинается с опыта, но не ограничивается им. Часть наших знаний порождается самой познавательной способностью, носит, по выражению Канта, априорный (доопытный) характер. Эмпирическое знание единично, а потому случайно; априорное — всеобщее и необходимо. Априоризм Канта отличается от идеалистического учения о врожденных идеях. Во-первых, тем, что, по Канту, доопытны только формы знания, содержание целиком поступает из опыта. Во-вторых, сами доопытные формы не являются врожденными, а имеют свою историю.

Теория врожденных идей «решительно опровергается тем, что в таком случае категории были бы лишены необходимости, присущей их понятию. В самом деле, понятие причины, например, выражающее необходимость того или иного следствия при данном условии, было бы ложным, если бы оно основывалось только на произвольной, врожденной нам необходимости связывать те или иные эмпирические представления по такому правилу отношения. В таком случае я не мог бы сказать: действие связано с причиной в объекте (т. е. необходимо), а должен был бы сказать лишь следующее: я так устроен, что могу мыслить это представление не иначе как связанным так-то. Это и есть то, что наиболее желательно скептику» (3, 215).

Теория врожденных идей, по Канту, — «система реформации чистого разума», теория априоризма — «система эпигенезиса чистого разума». Сказано четко и ясно. Реальный смысл кантовского априоризма состоит в том, что индивид, приступающий к познанию, располагает определенными, сложившимися до него формами познания. Наука обладает ими тем более. Если посмотреть на знание с точки зрения его изначального происхождения, то весь его объем в конечном итоге взят из все расширяющегося опыта человечества. Наряду с непосредственным опытом есть опыт косвенный, усвоенный. Так сегодня мы смотрим на проблему, поставленную Кантом.

Теория познания Канта помогла приподнять завесу над одним из самых загадочных процессов — образованием понятий. Предшественники Канта заходили в тупик, пытаясь решить эту

проблему. Сенсуалисты настаивали на индукции, опытным «наведением» на некие всеобщие признаки и принципы. По повседневному опыту мы знаем, что лебеди белые, а вороны черные. Но, между прочим, даже житейский рассудок весьма скептически относится к подобного рода всеобщности: выражение «белая ворона» говорит о крайне редком, но все же возможном нарушении привычного порядка вещей, что касается черного лебедя, то он реально существует. А как при помощи индукции, абстрагирования общих признаков объяснить изобретение, создание умственной конструкции чего-то нового, ранее не существовавшего — машины или научной теории?

Рационалисты искали иные пути решения проблемы. Они усматривали строгое, не зависящее от человека соответствие между порядком идей и порядком вещей. Мышление они считали неким «духовным автоматом» (выражение Спинозы), который штампует истину, работая по заранее заданной, «предустановленной» (выражение Лейбница) программе. Объяснение было основательным, но обладало одним существенным изъяном: не могло ответить на вопрос, откуда берутся ошибки. Показательна попытка Декарта выбраться из этого противоречия. Корень заблуждений он видит в свободной воле: чем менее человек затемняет свет божественной истины, тем больше он застрахован от ошибок; пассивность — гарантия правильности знаний.

Для Канта именно активность познания — залог успеха. Он видит в человеческом интеллекте заранее возведенную конструкцию — категории, но это еще не само научное знание, это только его возможность, такую же возможность представляют собой и опытные данные — своего рода кирпичи, которые нужно уложить в ячейке конструкции. Чтобы выросло здание, требуется активный участник строительства, своего рода конструктор, и Кант называет его имя — продуктивное воображение¹. Если вспомнить, что современная эвристика видит в бессознательном воображении центральное звено любого научного открытия (изобретения), мысль Канта предстанет перед нами как удивительно актуальная.

В «Критике чистого разума» (и в других работах Канта) мы не встретим термин «бессознательное». Тем не менее идея бессознательного как активного, творческого начала выражена недвусмысленно. Кант говорит о спонтанности мышления. Рассудок благодаря продуктивному воображению сам спонтанно, т. е. стихийно, помимо сознательного контроля, создает свои понятия. «Способность воображения есть спонтанность» (3, 205). Такова одна из центральных идей «Критики чистого разума».

Созидательная деятельность воображения обусловлена, во-первых, готовыми конструкциями (категориями), а во-вторых, наличным строительным материалом — эмпирическими данными. Именно поэтому воображение возводит не воздушный замок, а прочное здание науки. Продуктивное воображение — не пустая

фантазия. Это рабочий инструмент синтеза чувственности и рассудка. Канту мало общей констатации факта. Он пытается уточнить сам ход этого синтеза и обнаруживает некую промежуточную фазу, среднее звено между чувственностью и абстрактным мышлением. В «Критике чистого разума» появляется новый термин — схема. Это как бы полуфабрикат продуктивного воображения, нечто совсем удивительное, — с одной стороны, чувственное, с другой — интеллектуальное, «посредующее представление», «чувственное понятие».

Схему, подчеркивает Кант, следует отличать от образа. Последний всегда нагляден. Пять точек, расположенных одна за другой, — образ некоего количества; чистая схема количества — число. В основе понятий лежат не образы, а схемы. Как они возникают, сказать трудно. Кант лишь указывает на опосредующий механизм синтеза чувственности и рассудка — время. Временной ряд одинаково присущ как созерцаниям, так и понятиям. Время лежит в основе схем.

Если взглянуть теперь снова на категории, то станет яснее, как Кант представляет себе внеопытное возникновение категорий, уже упоминавшийся нами «эпигенез чистого разума». Каждая категория имеет свою схему. Что такое схема субстанции? Постоянство реальности во времени. Схема причинности? Реальность, за которой следует другая реальность. Схема общения (взаимодействие) или взаимной причинности есть одновременное существование определений одной субстанции с определениями другой субстанции. Схема возможности есть согласие синтеза различных представлений с условиями времени вообще. Схема действительности есть существование в определенное время. Схема необходимости есть существование предмета во всякое время. Наконец, схема количества дает нам «порождение (синтез) самого времени в последовательном схватывании предмета» (3, 225).

Последнее обстоятельство очень важно: само время оказывается конструкцией продуктивного воображения. «Схема сама по себе есть всегда лишь продукт воображения» (3, 222). Таким образом, «априорное происхождение категорий» (3, 210) оказывается возможным благодаря действию продуктивного воображения. Априоризм включает в себя момент исторического подхода к познанию, разумеется, крайне абстрактный. Категории возникают как самодетельность «чистой» познающей способности, и это безусловная уступка идеализму. Верно схвачена суть дела ленинской характеристикой: «Основная черта философии Канта есть примирение материализма с идеализмом, компромисс между тем и другим, сочетание в одной системе различных, противоположных философских направлений... Признавая единственным источником наших знаний опыт, ощущения, Кант направляет свою философию по линии сенсуализма, а через сенсуализм при известных условиях, и материализма. При-

зная априорность пространства, времени, причинность и т. д., Кант направляет свою философию в сторону идеализма»².

В «Критике чистого разума» Кант провел детальное расчленение познавательных способностей. Представленное схематически, оно выглядит следующим образом:

Велик соблазн увидеть в этой схеме исторический путь, пройденный познанием. Делать этого, однако, нельзя. И все же, как «лестница существ», возникшая на основе классификации Линнея, послужила толчком для исторического взгляда на живой мир, так и кантовская иерархия мышления с ее зачатками историзма подготовила почву для исторического взгляда на сознание.

¹ Об этом см.: Бородай Ю. М. Воображение и теория познания. М., 1968; см. также: Dietzsch St. Der identitätsphilosophische Vorgriff — das Schematismus — Problem in der Transzendentalphilosophie I. Kants. «Wissenschaftliche Zeitschrift» Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe. Leipzig, 1974, Heft 3.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 18, с. 206.

³ В «Логике» читатель найдет аналогичную, хотя и несколько отличающуюся от данной схему.